

НЕ УСПЕ...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Человек встречает Новый год,
Так оно положено от века...
И, само собой, наоборот —
Новый год встречает Человека!

Новый год готовился давно,
Человек давно готовил тоже
И себя, и речи, и вино,
И закуску разную... А все же

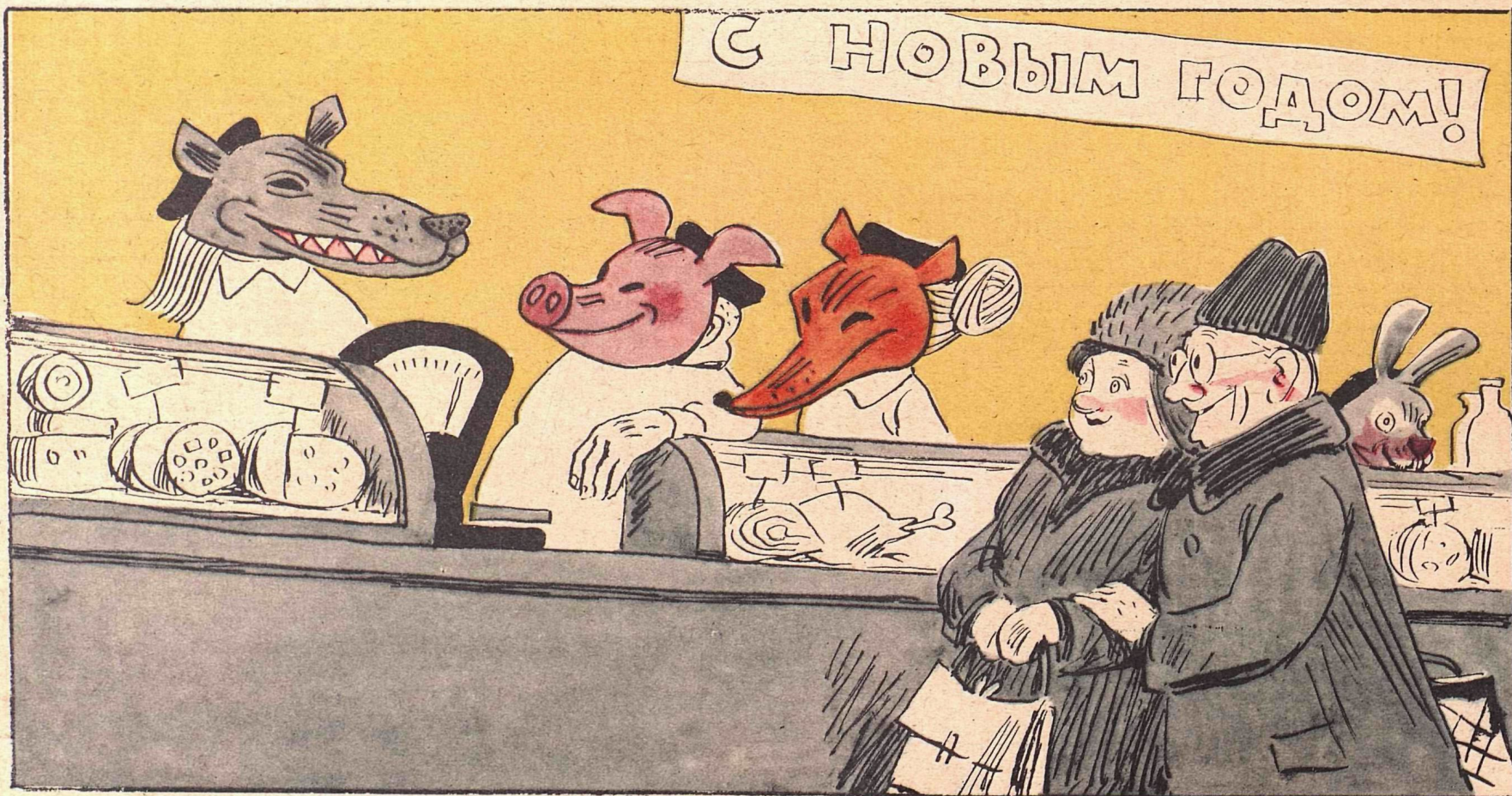
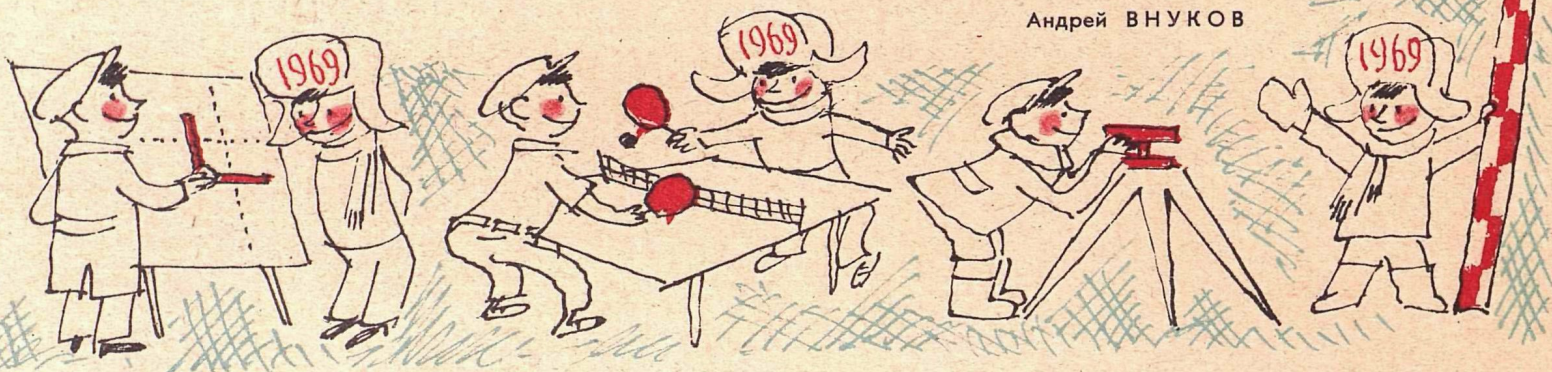
Человек волнуется в душе,
Да и Год волненья не скрывает...
Вот они уже на рубеже,
Бьют часы, и встреча наступает.

Им теперь, друг друга не вина,
Долгий путь идти, а если точно:
Триста шестьдесят четыре дня
Плюс еще один, не влезший в строчку...

Если этот Год не подведет,
Значит, Человека ждут успехи,
Если Год со славою пройдет,
Значит, не ошибся в Человеке.

Человек, живущий целый век...
Новый год — одна частица века...
Новый год глядит на Человека:
— Что ты принесешь мне, Человек?

Андрей ВНУКОВ

— Какие они сегодня все милые, симпатичные...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Удивительное вы сделали изобретение! Еще один год прошел, а оно все не устарело...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

К. ЦЫПЛЕНКОВ

НЕУГОМОННЫЙ СЕБЕУМОВ

Когда на стол Никифора Лукича легли докладная и образцы красок, которыми хозотдел собирался к Новому году малевать дверь в месте общего пользования на третьем этаже, Никифор Лукич побледнел. На лбу показалась предательская испарина. Признаки сильного испуга, переходящего в шок, были налицо. И все это из-за Себеумова — начальника хозотдела. Вечно он что-нибудь да выдумает! И вот сейчас — эта дверь. Подписывай, утверждай цвет краски. А потом — отвечай! Нет, нет! Надо как-то вывернуться.

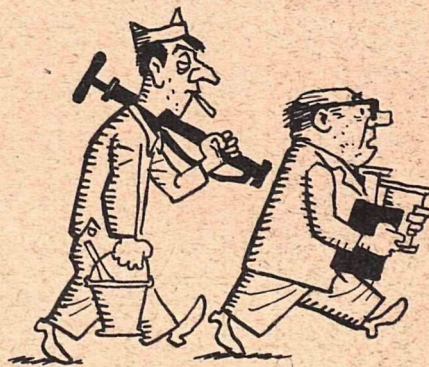
— Зря вы так себя терзаете. Дело-то маленькое, пустяковое — дверь, и то, простите, в месте общего пользования. Не в каком-нибудь дворце. Черкните «согласен», и разговорю конец. Да и мастера вон у вашего кабинета ждут, — говорит Себеумов.

— Эх, Себеумов, Себеумов! — с укоризной начинает Никифор Лукич. — А подумал ли ты, братец, какая ответственность ложится на нас? Ну, хотя бы за покраску этой двери? Не на острове же каком-нибудь необитаемом живем. Там, конечно, можно любым цветом. А здесь — окружение, люди. И какие! Ох, как разбираются в тонкостях искусства! Они той дверью за день-то не один раз воспользуются. Одному, двум, может быть, цвет и понравится, а третий — хлоп, и заявительнице куда следует: нет, дескать, у наших руководителей никакого понятия об эстетике.

И вот еще что заставляет меня задуматься, — продолжает Никифор Лукич. — Необходимость, целесообразность твоей затеи. Неужели же ты, Себеумов, не видишь: то в одном, то в другом конце света неспокойно. Землетрясения разные, штормы тринадцатибалльные, тайфуны, валютные потрясения... Вот видишь, какие дела? А ты!.. Дверь, красочки. Удивляюсь! Будто других проблем нет.

— Да это же по нашему годовому плану делается. Пять лет не красили эту дверь. Пора уж... — тоскливо вздыхает Себеумов.

— А ты уверен, Себеумов, что именно эту дверь на данном этапе надо красить? А? Почему, например, не на четвертом или, допустим, на втором? Там и посещаемость значительно выше и народец поприморщивее. Чуть что — жалоба: на третьем покрасили, а у нас нет. Сердцем чувствую — огромную ошибку допускаешь. Вот увидишь — будет скандал!

— Так давайте и те двери покрасим. Рабочие вон ругаются. Пока мы тут с вами разговариваем, они по пачке сигарет выкурили, без дела сидят.

— Ох и люди же вы! Страшные! Вам бы только красить, строить, ломать без разрешения руководства! — вспылит Никифор Лукич. — Все перекрасите, а дальше что? Руководство и общественность посмотрят, посмотрят да и спросят: кто это разрешил? Кому это нужно?.. Нет, Себеумов, не могу я рисковать. Зачем, спрашивается, брать на свои плечи такую ответственность? Что мы с тобой, Врубели или Левитаны какие? А? Сам по-

думай! Иди-ка ты лучше к Петру Ивановичу, Марку Семеновичу, Эдуарду Александровичу. Не вредно, наконец, зайти и к Илье Петровичу. Их мнение о цвете дверей нам никак нелишне. А маляры пусть пока снег во дворе убирают. Вот так и решим, — говорит Никифор Лукич и, утомленный разговором, откидывается в кресле.

А Себеумов идет по поводу окраски двери в месте общего пользования на третьем этаже к Петру Ивановичу, Марку Семеновичу и т. д. И всюду Себеумов добивается одобрения своей инициативы: красить дверь немедленно голубой краской.

Когда Себеумов приходит к Никифору Лукичу, тот встречает его без особого энтузиазма.

— Рассказывай по порядку о своих двухнедельных похождениях, — предлагает он хозяйственнику. — Так, так, так. Значит, вопросик о двери, можно сказать, согласован? В основном и о цвете? Так... А каково мнение директора? Что? Когда ты с ним говорил, он смотрел в другую сторону? Да... Как думаешь поступить?

— Красить, конечно, красить, Никифор Лукич! — решительно выпаливает Себеумов.

— Опять ты меня, Себеумов, сместишь. Мы же не знаем определенного отношения директора к проблеме покраски дверей, а ты «красить». Нет, братец, сначала ты душу директора познай, поройся в ней, а потом уж... Впрочем, Себеумов, оставь-ка у меня свою пухлую папку. Попробую на досуге разобраться да и посоветоваться, этого я не боюсь, с директором и другими руководящими товарищами...

Себеумов не стал спорить, оставил папку.

А ночью вместе с малярами покрасил все двери.

Утром директор, здороваясь с Никифором Лукичем, как бы между прочим, сказал:

— Молодец! Давно эти двери надо было привести в порядок.

Ю. РИХТЕР

ОБМЕН

Скажите, если бы ваша жена уходила на работу в одном пальто, а возвращалась в другом, это вас удивило бы?

Удивило. А меня нет. Я привык: моя жена очень любит меняться. Как мальчишки марками, только у нее круг операций гораздо шире.

Однажды, вернувшись с работы, я обнаружил, что из квартиры исчезли наши кровати.

— Ты знаешь, милый, — невозмутимо пояснила жена, — я поменяла их на этот чудесный немецкий ковер... Да что ты так волнуешься? Я взяла пятнадцать рублей придачи!

— А на чем мы бу-

дем спать? На пятнадцати рубрах?

— На ковре... Пока я не подыщу что-нибудь подходящее.

Как-то, приехав из командировки, я застал в своей квартире посторонних людей.

— Вы ничего не знаете? — удивились они. — Ваша жена обменяла эту квартиру на нашу.

Друзья и знакомые часто подтрунивают надо мной:

— Объясни, пожалуйста, почему это — сам ты брюнет, жена у тебя тоже брюнетка, а дочка — блондинка? Только ты не огорчайся: девочка с годами может потемнеть!

А я и не огорчаюсь. У меня на этот счет никаких подозрений нет. Я думаю, что жена просто поменяла ребенка в роддоме...

Совсем недавно, когда я в новой квартире смотрел по телевизору хоккей, раздался телефонный звонок.

— Милый, — проворковала жена, — как хорошо, что ты дома! Пожалуйста, никуда не уходи!

Спустя двадцать минут в квартиру вошла жена. С нею был какой-то мужчина с чемоданчиком.

Я оделся и ушел. Все было понятно: она и меня поменяла...

В. РОМАНОВ

ПРОБЛЕМА ТУМАНА

На город опустился густой бело-розовый туман. У стены многоэтажного дома, опершись на водосточную трубу, стоял начальник жилконторы Ульянов Иванович Чупиков. Выражение его лица было глубоким и задумчивым. Из пелены тумана вынырнула худощавая фигура жильца с верхнего этажа — инженера Петрова.

— Ульянов Иванович, авария! — сильно волнуясь, сказал Петров. — Крыша протекла. Вчера всю комнату залило.

На крыше дома зашевелился старый кирпич.

— Туман-то какой, — протяжно сказал Чупиков. — Хоть глаз выколи. Всю улицу заволок. Что с ним делать — ума не приложу!

— Крыша, говорю, протекла, Ульянов Иванович. Починить бы. У меня диван испортился. На столе лужа образовалась.

Кирпич на крыше свесил «ножки» и полетел вниз.

— Лужа — ерунда! Махнул метлой, и порядок! А туман метлой не разгонишь. Здесь особый инструмент надо.

— Вчера дождь как хлынул, так с потолка и полилось, — продолжал Петров. — Живу словно в душевой кабине. Помогите, товарищ Чупиков!

Кирпич падал с крыши.

— Дождь — это просто. В люки загнал — и все! А туман — стихия капризная. Ты его в люк загонишь, а он обратно выползет. Как же быть?

— Дался вам этот туман! — горячился Петров. — Проблема в крыше. Зима на носу. Опомниться не успеем, как снег в комнату повалит.

С крыши падал кирпич.

— Снег собрал — и порядок, а туман в кучу не сгрестишь, — рассуждал Ульянов Иванович. — Как бы за него ухватиться?

Кирпич упал на голову Чупикову. Ульянов Иванович потерял ушибленное место и пошел утрясать вопрос о тумане...

г. Ленинград.

И. ЧЕРВЯКОВ

ГРОМО-ОТВОД

— Я громоотвод! — представляется элегантный молодой человек, переступая порог кабинета врача.

— Бывает, бывает, — мягко показывает на стул врач. — И давно вы почувствовали себя громоотводом?

— Год назад, доктор. После именин у бухгалтера Прохвятилова...

— Вы даже дату помните?!

— Конечно. Пятое июня. Прохвятилов пригласил весь сектор в ресторан «Грузило». К концу вечера наш руководитель, мягко говоря, нагрузился... Сослуживцы, зная, что у него очень сварливая жена, уговорили меня, холостяка, отвезти руководителя домой и остаться там ночевать, чтобы жене было неудобно браниться при посторонних.

Очевидно, я хорошо справился с поручением коллектива, ибо уже через неделю консультант Веретено попросил сопроводить его на дачу к своей бывшей однокурснице. С дачи мы приехали в три часа ночи, и я до пяти утра уговаривал жену консультанта не сердиться на своего мужа, так как во всем виноват я. Веретено в это время преспокойно спал в соседней комнате.

Когда мы всем коллективом ходим куда-нибудь отмечать премию, меня потом рвут на части. Всем хочется

прийти домой с громоотводом и избежать таким образом неприятного разговора с супругой.

Новый год я имел неосторожность встретить в кругу сослуживцев и их жен. Жены быстренько договорились между собой и написали коллективное письмо в местком, требуя принудить меня лечиться от алкоголизма. А я спиртного в рот не беру. Когда мне приходится служить громоотводом, я вынужден притворяться пьяным, чтобы не подвести друзей.

...В первое время, помню, меня всегда на хозяйскую кровать укладывали, а теперь свырнут матрац на пол — и все. Будто громоотвод не человек вовсе. Верите ли, иной раз по неделе домой попасть не дают. Выручай, и баста!

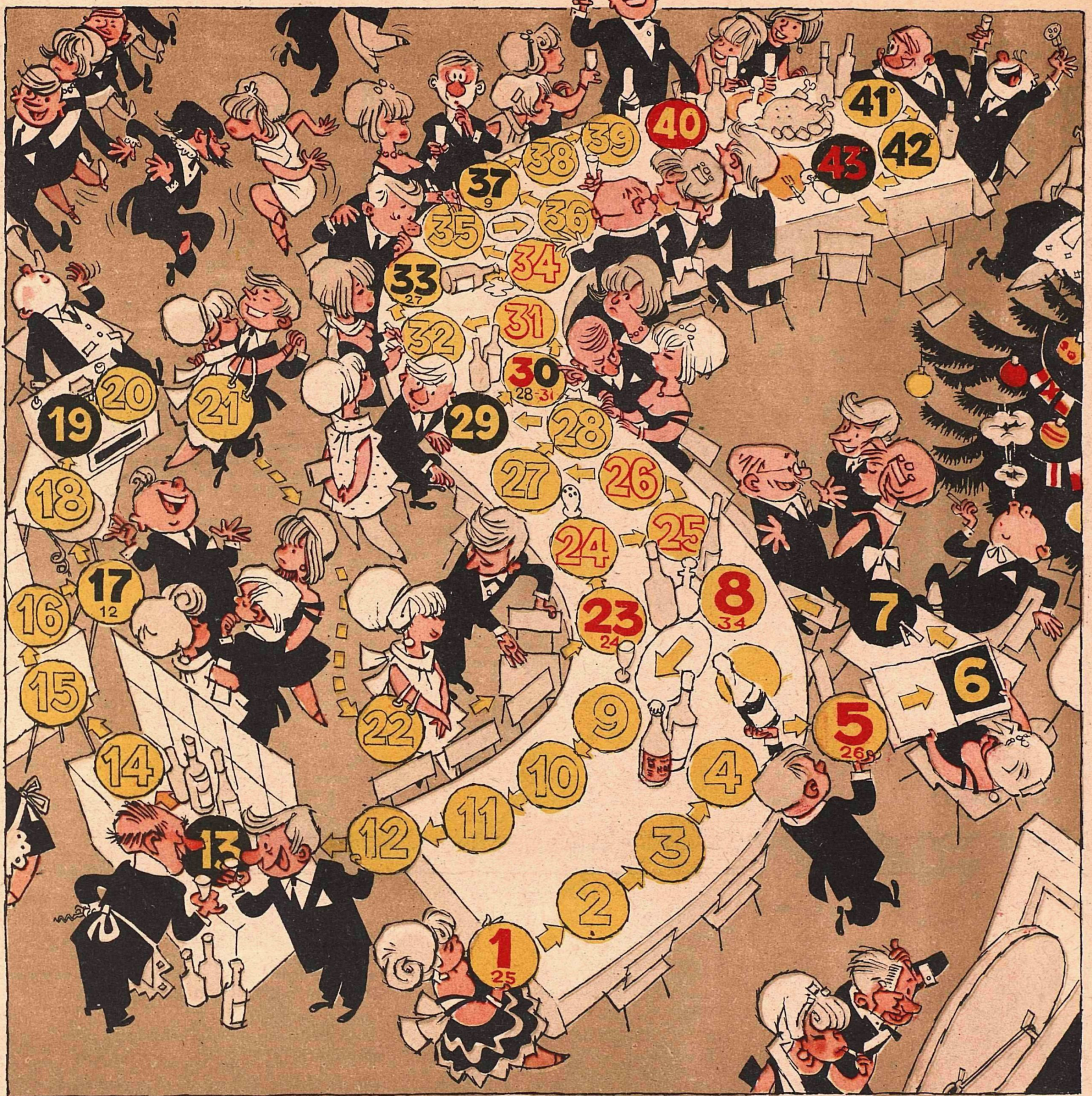
...Недавно Мякишев, председатель месткома, что выкинул! Как из лифта вышли, он меня на руки взял, занес в квартиру и говорит жене: «Я, дорогая, так поздно потому, что вот этого сосунка из милиции вызволял. Его пьяным подобрали». Жена его, Зинаида Алексеевна, женщина-геркулес, сгрэбла меня в охапку и прямо в костюме положила в ванну с холодной водой. Отмокать. На всю ночь. А я был трезв, как цейссовское стекло. Ну, скажите, доктор, разве это жизнь?!

— М-да, — мямлит врач, с интересом рассматривая необычного пациента.

— Вот именно, доктор. Это не жизнь! Я решил покончить с этим раз и навсегда. Я должен жениться. Приглашать женатого человека в громоотводы никому и в голову не придет. Да и не принято это... Мы с женой будем обычной супружеской парой, которую просто приглашают в гости. Ах, как, должно быть, хорошо сидеть в гостях, зная, что потом не нужно идти в чужую квартиру, ложиться на чужой матрац во имя так называемой мужской солидарности!.. Вы должны мне помочь, доктор. Я хотел бы попросить у вас...

— Знаете, юноша, я с удовольствием помогу вам, — перебивает человека — громоотвода врач. — Только окажите мне одну маленькую услугу. Дело в том, что сегодня вечером я приглашен к актеру Несусветскому на товарищеский ужин, а мои жена и дочь категорически против этого знакомства. Они считают, что Несусветский и его окружение дурно на меня влияют. Прошу вас, не откажите в любезности...

— Но, доктор, — в ужасе заламывает руки молодой человек, — меня уже давно знают в вашем доме! Я пришел просить руки вашей дочери...

КАЖДЫЙ ХОЧЕТ БЫТЬ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ, БЛИСТАТЬ ОСТРОУМИЕМ И ОТЛИЧНЫМИ МАНЕРАМИ, БЫТЬ «ДУШОЙ ОБЩЕСТВА». КАЖДЫЙ ХОЧЕТ, НО НЕ КАЖДЫЙ МОЖЕТ. ТАК В ЖИЗНИ. А В ИГРЕ...

ПРАВИЛА ИГРЫ:

Участники поочередно бросают игральную кость и передвигают свои фишки по пунктам игрового поля соответственно выпавшему количеству очков. Продвижение к цели (пункт 40) сопровождается как препятствиями, так и приятными неожиданностями.

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО ВЫ УЖЕ СТОИТЕ У ДВЕРЕЙ КВАРТИРЫ В ПРЕДВКУШЕНИИ ПРИЯТНОЙ ВСТРЕЧИ НОВОГО ГОДА. ВЫ НАЖИМАЕТЕ КНОПКУ ЗВОНКА (бросаете игральную кость), И ПЕРЕД ВАМИ ОТКРЫВАЕТСЯ ДВЕРЬ...

Пункты 1 и 5. Если вы пришли слишком рано, на горите желанием помочь хозяйке, пожалуйста, несите тарелки с закусками и ставьте их на стол. (Пункты 25 и 26.)

Пункты 6 и 7. Если же это ниже вашего достоинства, посидите в кресле или покурите. (Пропуск хода.)

Пункт 8. Ничто так высоко не ценится в обществе, как умение занять гостей. Веселую беседу вы продолжаете и за столом. (Пункт 34.)

Пункт 13. Вы заглянули на кухню. По предложению хозяйина, вы пропускаете... очередной ход.

Пункт 17. Вам не приходит в голову ничего острее старых анекдотов. Полагая, что некий напиток сделает вас находчивее, вы крадетесь на кухню. (Пункт 12.)

Пункт 19. До встречи Нового года еще есть время. Что вы предпочитаете — твист (19) или вальс (20)?.. Ах, вальс устарел?.. Ну, вот видите, а для твиста вы недостаточно тренированы. Посидите, отдышитесь. (Пропуск хода.)

Пункт 23. Но пора за стол! Новый год уже близок. Вы вежливы и внимательны к своей даме, предлагаете ей стул. И, уже усевшись, замечаете, что находитесь на пункт ближе к цели. Вежливость всегда вознаграждается.

Пункт 29. А вы очутились за столом раньше, чем ваша дама. Ай-яй-яй! Здесь же не автобус. Ну что ж, если вам хочется посидеть, посидите! (Пропуск хода.)

Пункт 30. Вы галантно ухаживаете за своими соседками. Но не слишком ли большое внимание вы уделяете блондинке слева? Ведь справа — ваша жена! Перед вами дилемма. (Бросьте кость на чет и нечет. Соответственно переставьте свою фишку на 31 или 28.)

Пункт 33. Вы слишком суетливы. Не надо так торопиться. Вот видите, в суматохе вы опрокинули бутылку. Ну, не беда! Посыпьте пятнышко солью. А где же солонка? Ах, вот она! (Пункт 27.)

Пункт 37. А тут дело значительно хуже: вы «опрокинули» рюмку, и, кажется, лишнюю! Так и есть: вы забыли подготовленный новогодний тост... Попейте нарзану. Он на другом конце стола. (Пункт 9.)

ВОТ И НАСТУПИЛ МОМЕНТ ОТЛИЧИТЬСЯ. ВСЕ ВЗОРЫ УСТРЕМЛЕННЫ НА ВАС. ВСЕ ЖДУТ ВАШЕГО ТОСТА.

Пункт 40. Ура! Блаженный миг настал! Вы произносите самый блестящий и остроумный тост из всех, которые когда-либо произносились за новогодними столами.

НО, УВЫ, С ВАМИ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ И ДРУГОЕ: ВЫ «ПЕРЕБРАЛИ». В ДВУХ СЛУЧАЯХ ИЗ ТРЕХ ЭТО ЕЩЕ МОЖНО КОЕ-КАК ПОПРАВИТЬ.

Пункт 41. С двух попыток надо выкинуть цифру 1. Если это удастся, начинаете игру сначала. Если нет — выбываете из игры.

Пункт 42. В этой стадии вам дается лишь одна попытка. (Условия те же.)

ЕСЛИ ВАМ УДАСТСЯ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ БЛАГОСКЛОННОСТЬЮ СУДЬБЫ, СЧИТАЙТЕ, ЧТО ВАМ ПОВЕЗЛО. НО ЭТО БЫВАЕТ ТОЛЬКО В ИГРЕ. А В ЖИЗНИ...

НАДЕЕМСЯ, ВЫ ПОНЯЛИ, ЧТО САМОЕ ГЛАВНОЕ В НАШЕЙ НОВОГОДНЕЙ ИГРЕ.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Малолитражный стол.

— Товарищ директор, вы будете лучшим украшением нашей новогодней елки!

В новогоднюю ночь на каждом перекрестке — пробка.

Чемпион по поднятию бокалов.

Елочные утрашения.

На бал-маскараде и гусь свинье товарищ.

Даже встречая Новый год, умудрился с ним разминуться.

Спился со счета.

С. МАРКОВ

ВИЗ

Недавно я прочел одну старую книгу, в которой описывалось, как человек наносил новогодние визиты. В первый день Нового года он являлся с поздравлением к своему начальнику, к его помощнику, к своим сослуживцам, близким и дальним знакомым. Он заходил поздравлять даже людей, у которых до этого никогда не бывал, а если не заставал их дома, оставлял цветы и свою визитную карточку.

Мне это, честно сказать, очень понравилось. Может быть, потому, что я по натуре добрый человек. Я искренне пожалел, что эта традиция нарушилась, и твердо решил ее восстановить.

Я долго ждал наступления Нового года и утром первого января решил провести свое решение в жизнь.

С кого же начать? Конечно, с начальника.

Я купил букет хризантем, поехал по адресу и нажал кнопку на дверях квартиры.

Открыл мне сам директор нашего учреждения.

— Здравствуй, Иван Степаныч,— сказал я.— С Новым годом вас.

— Спасибо,— сказал директор.— Что вы хотите?

— Просто решил нанести вам визит...

— Нет, что вам надо?

— Мне лично ничего не надо. Просто сегодня первое число, и я решил нанести вам праздничный визит.

— А что вы от меня хотите и почему в неслужебное время?

— Именно в неслужебное,— сказал я, снял пальто, прошел в комнату и сел в кресло.— Ну, как настроение?— спросил я.

— А какое вам дело, собственно говоря?

— Интересно все-таки знать, как вы встречали Новый год? Небось, выпили будь здоров?

Директор молчал.

В комнату вошла жена директора.

— Здравствуйте,— сказал я.— Поздравляю, так сказать, с Новым годом, с новым счастьем.

И вручил ей цветы.

Она сказала «спасибо» и тихо спросила у мужа: «Кто такой?»

— Какой-то наш служащий,— сказал директор.— Фамилии я не помню и зачем он явился, не понимаю.

— Что думаете делать сегодня? Чем собираетесь отметить первый день Нового года?— спросил я.

— Отдыхаем, отдыхаем!— сказал директор.— А что все-таки вы хотите?

— Хотел поздравить,— сказал я.— Новый анекдот про врача и мужа слышали?

— Не слышал и вообще анекдотами не интересуюсь. Меня интересует причина вашего прихода. И потом, откуда вы узнали мой адрес?

— От секретарши. Ну, я, пожалуй, пошел. Посидели, поговорили — и хватит. У меня сегодня еще восемь визитов. Целую вашу лапку,— сказал я жене директора, послал ей воздушный поцелуй, надел пальто (кстати, должен заметить, что, когда я вышел в прихожую, директор сам мне быстро его подал) и вышел из квартиры.

Второй визит я нанес своему другу — артисту оперы Борису Бречко, которого не видел тридцать пять лет.

«Нельзя терять дружбу,— подумал я.— Зайду-ка я к Борьке».

Купил по дороге бутылку полусухого и пошел.

Борька в пижаме открыл мне дверь.

— Вы к кому?— спросил он.

— К тебе, старый черт,— сказал я.

— Извините, но я вас не знаю и ваше обращение с упоминанием нечистой силы меня крайне удивляет.

— Брось трепаться,— сказал я.— Впрочем, ты всегда любила потрепаться.

Сбросил пальто, повесил его на гвоздь и протянул Борьке бутылку шампанского.

— Во-первых, я не пью,— сказал он,— а во-вторых, вы, видимо, не туда попали.

— Ну, хватит!— сказал я и ударил его по плечу.— Давай выпьем за Новый год.

— Я вас не знаю!— закричал Борис.

— Неужели так-таки и не узнал? Володька я, Володька Цыгрин. Мы же с тобой на одной парте сидели!

Владимир ПОЛЯКОВ

ИЗЪР

РАССКАЗ

— Володя Цыгрин... Что-то припоминаю. Ну и что?
— Как «что»? Новый год. Вот зашел...
— Тебе нужен билет в театр?
— Не нужен. Я не хочу в театр. Вообще я не люблю оперу.
— Так в чем же дело?
— В дружбе. Мы же с тобой 35 лет не виделись!
— Ну и что?
— Пора. С Новым годом, дорогой!
— И вас также.
— Детей у тебя нет?
— Нет у меня детей. Я не женат.
— Ну и дурак. Может, все-таки выпьем?
— Я непьющий.
— Ладно. Посидели, поговорили по душам, отметили первый день Нового года, и слава богу. Будь здоров. Спасибо за внимание.

И пошел наносить следующий визит. Я решил зайти к знакомой даме, с которой был недавно в кино и которая ко мне чудесно относится. Звонить ей по телефону я не стал: о праздничных визитах заранее не предупреждают.

Я купил по дороге коробку конфет «Шоколадный набор», поднялся по лестнице, позвонил, и Анна Михайловна сама открыла мне дверь. У нее был расстроенный вид.

— Приветствую и поздравляю,— сказал я.
— С чем?
— С Новым годом, конечно.
— Ах да...— сказала она.— Спасибо.
Но в квартиру почему-то не приглашала.
— Ну что же, мы будем тут стоять?— спросил я.— Это не место для новогодних поздравлений.

— Видите ли...— сказала она.— Вы даже не позвонили... Я не ждала вас...
— Конечно, не ждали,— сказал я.— Это сюрприз. Новогодний. Так что принимайте визитера.

— Понимаете...— замямлась она.
— Все понимаю,— сказал я.— Вы не в том виде... не причесались... Можете меня не стесняться.

Я прошел в комнату. Там оказался какой-то молодой человек, видимо, тоже визитер, который почему-то смутился.

— Привет!— сказал я.— Гости сходятся. С Новым годом вас, товарищ.

— Благодарю,— сказал молодой человек и отвернулся к окну.

— Садитесь, Анечка,— сказал я.— Не смущайтесь. Я не рассчитывал ни на какой прием. Просто зашел нанести новогодний визит вежливости. Как себя чувствуете после новогодней ночи?

Анна Михайловна почему-то залилась краской и замолчала.

— А вы как провели ночь?— обратился я к молодому человеку.

Тот почему-то отвел от меня взгляд и спросил:
— Вы не курите?

— Вообще нет,— сказал я,— но сегодня по случаю праздника не откажусь.

Взял у него папиросу, прикурил от его зажигалки и уютно расположился в кресле.

— Погода сегодня превосходная,— сказал я.— Снежок, морозец... Как вы считаете?

— Да,— сказал молодой человек.

Хозяйка дома молчала.

— Может, придумаем что-нибудь, чтобы зафиксировать Новый год...— предложил я.

Предложение осталось без внимания.

— Ну ничего, важно, что мы повидались.

— Да, конечно,— сказал молодой человек.

— Что у вас нового, Анечка?— спросил я.

— У нас, видите ли, деловая беседа,— сказала Анна Михайловна.

— Говорите, я вам не буду мешать, не обращайтесь на меня внимания.

Воцарилось тягостное молчание. Так мы посидели пятнадцать минут, после чего я откланялся и ушел, провожаемый подозрительным взглядом незнакомого молодого человека.

О четвертом визите мне не хотелось бы рассказывать.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок А. ГРУНИНА

МОЯ РЕКЛАМА

ПРИБОРЕТАЙТЕ

ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ!

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Прости, читатель благосклонный,
За то, что этот фельетон
Прием использует шаблонный —
Про сон рассказывает он.
Но это сон не фельетонный,
А настоящий,
вещий сон!

А сон порой, пусть и не нов он
И пусть нелеп — вгоняет в пот!
От страшных снов не застрахован
Никто.

Так вот, под Новый год,
Чтобы его получше встретить,
И, так сказать, по мере сил
Достойным чем-нибудь отметить,
Степан Степаныч так решил:
Я долго врал везде и всюду,
Врал всем и даже не краснел.
Довольно!

Больше врать не буду.
Вранье должно иметь предел!

И что же!

Встретив Новый год
Среди друзей, Степан Степаныч
Успел преобразиться за ночь
И стал совсем другим:

не врет!

Он был обычно осторожен,
Любил со всеми в мире жить,
Не вынимал меча из ножен,
Углы старался обходить.
Теперь же, как в каком-то раже,
Открыв в себе строптивый нрав,
Он режет правду-матку, даже
С кем надо не согласовав.
Ни с чьими не считаюсь вкусами,
Открыто, без обиняков,
Он называет трусов трусами
И дураками — дураков.
Он не желает быть спокойным,
Когда другим приспичит врать,
Он все достойное достойным
Бесстрашно начал называть!
С ним стали в обращении сухи,
Его обходят стороной.
А кое-кто пустил уж слухи,
Что он психически больной...
Но правдой он не поступился!..

Вот сон какой ему приснился!..
Но в жизни он не изменился,
Не стал другим.

Наоборот:

Как прежде врал, так он и
врет!

Василий С МИРНОВ

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ

Служила она пятый год
в «Главликере».
Была красоты, обаянья полна.
Вздыхали мужчины по ней,

и в конторе
Немало поблажек имела она.
Хоть время текло за минутой

минута,
Красотка не сразу бралась за дела.
То носик попудрит,

то щечки, как будто
Она не трудиться,
а в гости пришла.

То локон, то косы она поправляла,
На платье бросала критический

взгляд,
Собой довольна, она рассуждала:
— В конторе за мной

все мужчины следят.
И верно, следили за ней все мужчины,
Ловя ее взгляд,

разделяя печаль,
И лишь за работой красавицы Нины
Мужчины совсем не следили.

А жаль!

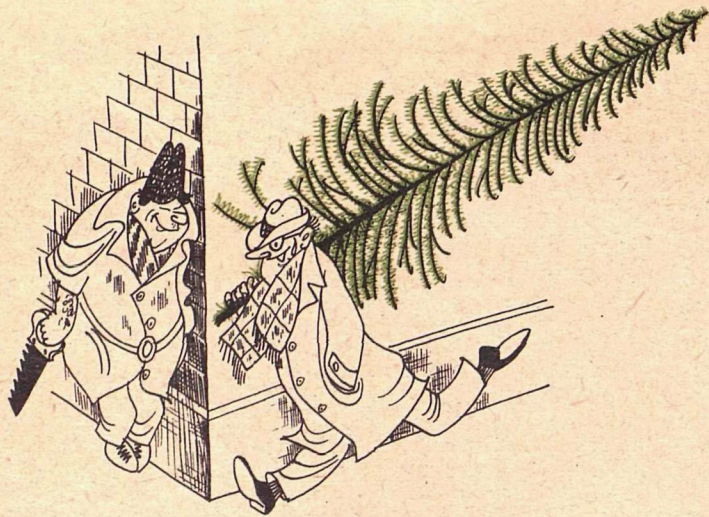

Рисунок О. КОРНЕВА

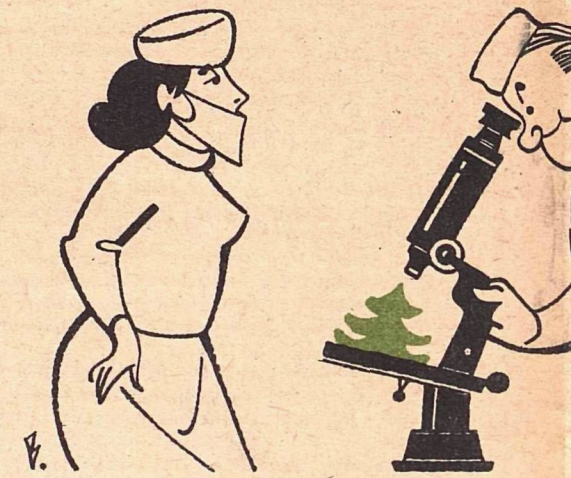

— Милок, сколько за такую-то просишь?

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Медвежья услуга.

— Ну, вот и мы достали елочку!

Новогодний слалом.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

Рисунок С. СПАССКОГО

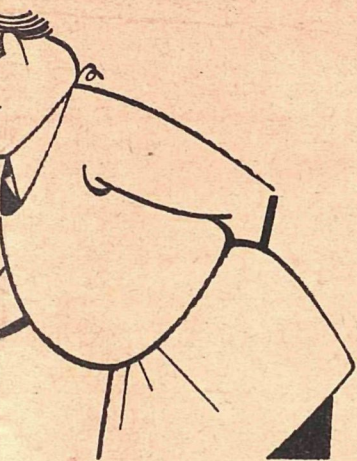
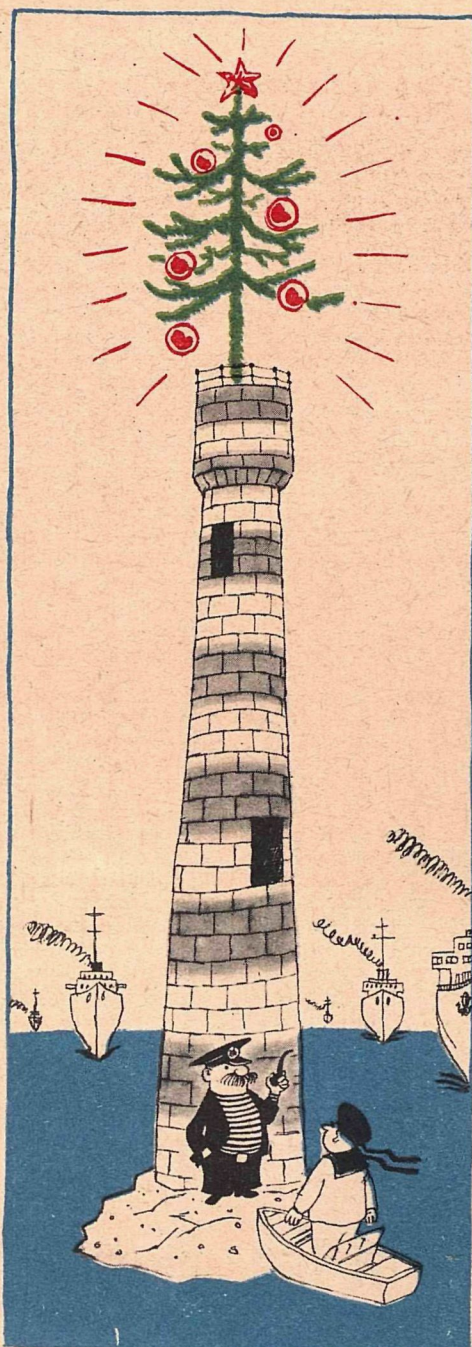

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Вместо прожекторов мы зажгли елку.

Рисунок Е. ГУРОВА

Рисунок Б. САВКОВА

Очаровательный пустячок

Вл. ПАНКОВ

Мы с Санькой так насобачились выделывать всевозможные трюки и фокусы с валяной обувью, что друзья стали уговаривать нас бросить работу на стройке и попытаться счастья непосредственно в сфере искусства.

— С таким талантом — и батареи центрального отопления ставить? — уговаривали нас друзья. — У других, понимаешь, и поменьше таланту, а не ставят. В искусстве процветают...

Нам повезло. Шел смотр самодеятельности строителей, где просеивались таланты.

— Какой у вас жанр? — спросили нас, когда мы пришли записываться.

— Жанр? А что это? — переглянулись мы.

— Ну, вы что делаете: поете или танцуете?

— Какое... — смутились мы. — Петь — талант нужен, а мы валяной обувью перекидываемся...

— Ладно, запишем, что у вас оригинальный жанр, а там видно будет...

Вышли мы с Санькой на сцену, стесняемся. Опять же в валенках, неудобно как-то...

Народ, что на просмотре был, хохочет. Мы с ноги на ногу переминаемся, ждем, значит, когда роля вдарит...

Я было уж совсем к публике привыкать стал, а Саньку нервы прихватили и не отпускают. Повернулся даже, чтоб со сцены сбежать.

— Стой, — шепчу я ему сквозь зубы, — еще ж роля не вдарил...

А Санька, как лунатик, сам за себя не отвечает, себя не чувствует. Зал над ним со смеху заходит, носовые платки в ход пошли.

Но как только музыка появилась, Санька отошел малость. Повеселел даже. Оттянул он ногу немного назад — да как швырнет свой валенок ко мне прямо с ноги. Валенок большой, на три номера больше...

А пока Санькин валенок до меня путь держит, я времени даром не теряю и отбрасываю Саньке свой валенок, а ногу освобождаю для приема... В этот момент как раз Санькин валенок поспевает и точненько надевается ко мне на босу ножку. В носке, конечно.

Зал отчаянно ухает и начинает заливаться хохотом на разные голоса. Впереди жюри басками гугукает, посередине нормальная публика повизгивает, а на галерке безбилетные школьники прямо-таки икают от смеха без особого стеснения.

Это нас порядочно подбодрило, и мы уже вроде не в таком стеснении начинаем упражнения усложнять. То есть пока наши валенки туда-сюда планируют, мы газетки из карманов достаем, разворачиваем, почитываем... Причем все это как бы в полной меланхолии, с максимальным равнодушием к непосредственной работе.

Ну, понятно, это публику подстегивает еще больше и разжигает просто-таки до биса.

Один из зала предположение высказывает:

— Небось, с магнитом валенки-то? Мы усмехаемся.

— Сам ты с магнитом! — Не видишь — искусство? Ловкость ног — и никакого мошенства. Просто не каждому дано...

— Да, сила, — говорят специалисты

из жюри, — блеск! Очаровательный номер!

Короче, нас отбирают. На заключительный смотр, что ли... На обсуждение приглашают — чин чинном. Ласково улыбаются, интерес проявляют: как, мол, это вам в голову-то пришло?

— Да на стройке... Бывает, не завезут цемент, делать нечего — вот мы и совершенствуемся...

Тут какой-то бровастый дядя с дальнорезким прищуром вдруг покашливать начал.

— Н-да, — говорит, — хм-хм... Номер-то, он... хм-хм... очаровательный, конечно, но, как бы выразиться... хм-хм... пустячок это очаровательный, вот что.

— Это верно, — вздыхает тут тетечка с белым воротничком. — О чем номер? Ни о чем. Где подкладка? Нет подкладки.

— А может, придать номеру сатирическую окраску, и дело с концом? — предлагает какой-то молодой, весь в замше. — Скажем, «Два лентяя» — сценка на стройке, а? Жалко такую прелесть браковать.

— Кто лентяи? — поднимается суровый Саня.

— Это не о вас, — ласково улыбается ему замшевый, — это — обобщение.

— А не слишком ли обобщим? — опять привязывается бровастый.

— Есть мысль! — поднимает руку белый воротничок. — Новый танец «Валенки-валенки», якобы созданный коллективом какого-нибудь неотопливаемого клуба.

— Ну, знаете!.. — волнуется бровач. — Это уж совсем сатира...

— А если подать как юмор? — не унимается молодой в замше. — Танцевальная сценка «Танец сторожей». Представляете, ночью, при луне...

— Знаете, мне кажется, что валенки на сцене создают какую-то лапотную атмосферу, — еле слышно произносит с другого конца старушка с морщинами древнего дворянского рода. — Создается ложное впечатление, будто у нас весь народ ходит в валенках...

— Так добавить к валенкам кордебалет из девушек в легких туфельках, — напирает замшевый.

— Да, но у нас могут спросить: при чем здесь девушки?

— Ну, оправдать это уж легко. Например, большой театрализованный номер «Молодежная свадьба», на которой два гримированных старичка танцуют в валенках эксцентрический номер...

— Правильно, — обрадовался бровач, — олицетворяя собой при этом прошлую жизнь...

В общем, что долго рассказывать. На заключительном смотре мы получили с Санькой первый приз. За гражданственность темы.

— Конечно, исполнительского мастерства вам пока не хватает, — поздравляя нас, радушно говорил бровач — председатель, — профессиональных навыков маловато, но тема искупает все... Да, кстати, на вашем месте я бы немедленно убрал эти валенки. Они снижают звучание высокой темы.

Мы послушали совета и с валенок перешли на хромовые сапоги. Но пока у нас ничего не получается, хотя тренируемся мы усиленно...

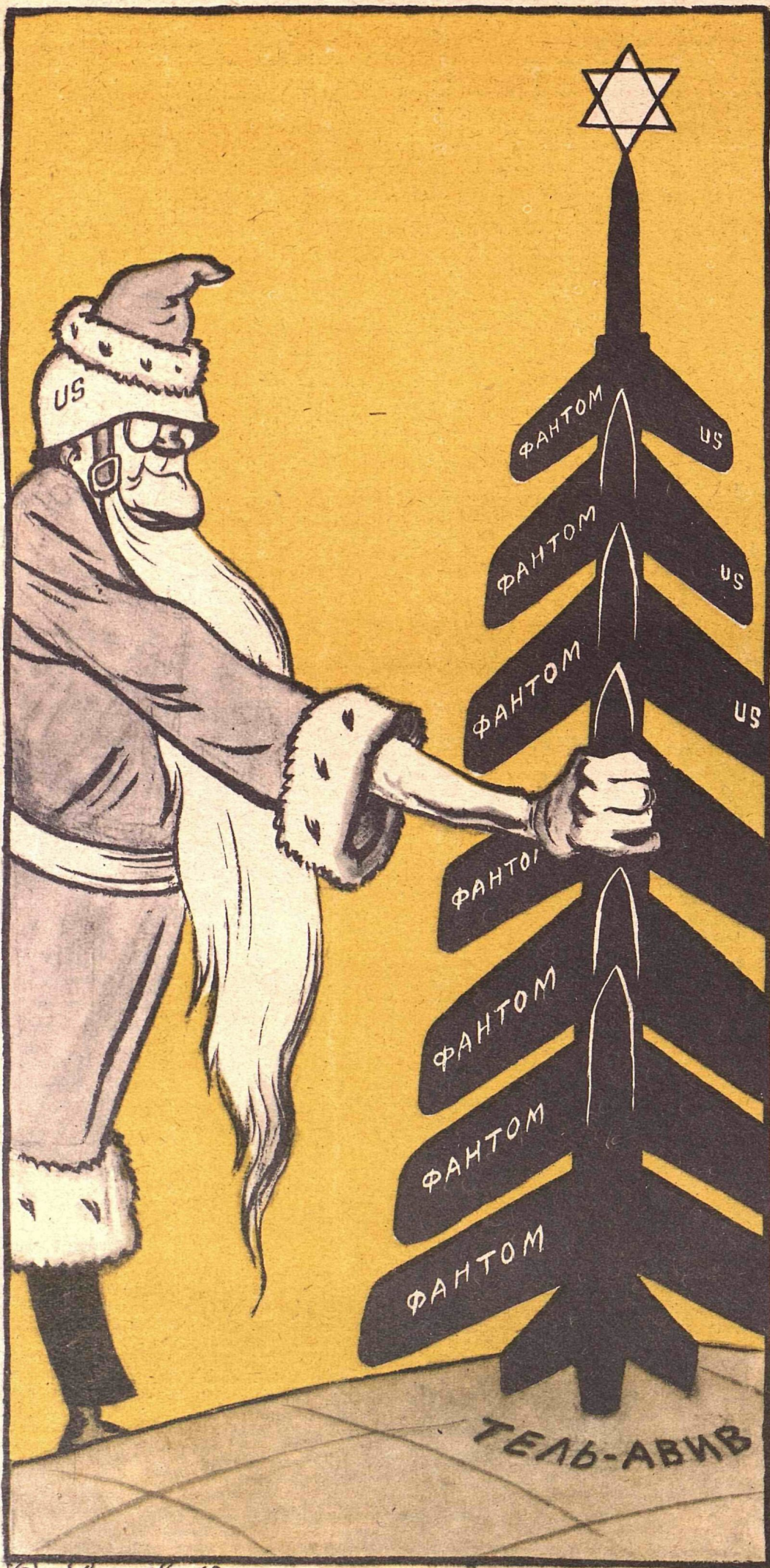

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Наум Лабковский (Москва)

МЕДВЕЖИЙ ДУШ

Когда в конюшне раздавалось пронзительное жужжание пылесоса, звери забивались в углы клеток, лошади били копытами, дрессированные собачки поднимали лай, несовместимый с их образованием, даже сам царь зверей — красавец лев, забывая о величии, морщился и скулил под стать дворовому щенку.

И только медведь Мотя чувствовал себя отлично. Он поднимался на задние лапы и, щурясь от удовольствия, подставлял под щетку пылесоса то спину, то грудь. Все его существо сияло, а шкура лоснилась и отливала шоколадным блеском.

Служитель Гриша, придумавший для Моти это ежечасное удовольствие, медленно водил шлангом и приговаривал:

— Хорошая штука, верно? Я тоже люблю утром под душем попрыгать. Ну, правда, твой медвежий душ особенный. Шумит сильно. Но зато ты, брат, у нас на конюшне чище всех.

Гриша — коренастый мужчина в летах, всю жизнь провел в цирках при зверях. Яркие огни манежа не светили Грише. На манеж он выходил либо ранним утром, либо поздней ночью, когда цирк освещался тусклыми «репетиционными»

Александр Борин (Москва)

СТУПЕНЬКИ

Он значительно мне сказал:

— На вывески я плюю, но ступеньки считать умею.

— Какие ступеньки? — не понял я.

— Которые вверх, — сказал он. — А которые вниз — чего их считать!

Он заведовал неким подотделом некоего отдела. Я зашел к нему по вопросу, интересующему мою организацию, но он, не выслушав меня, сказал, что очень занят: сию минуту спешит на третий этаж к Василию Константиновичу, а завтра выезжает на объект — так что я могу обратиться к нему не раньше следующего понедельника.

— А вы, собственно, откуда? — спросил он, складывая бумаги в легкую дерматиновую папку. Я протянул ему свое удостоверение. Он не стал даже читать название организации, уполномочившей меня на разговор с ним, не поинтересовался моей фамилией или должностью, но с интересом пощупал двумя пальцами обложку моего документа, несколько раз согнул ее и разогнул.

— Сафьян, третий артикул? — спросил он.

— Возможно, — сказал я.

Он отложил уже сложенную папку, набрал короткий номер внутреннего телефона и сказал:

— Федюкин тревожит. Василий Константинович, у меня здесь неотложные товарищи. Разрешите, я повременю к вам.

— Ну вот, — сказал он мне, улыбаясь. — Я вас слушаю.

— Почему вы вдруг решили меня принять? — спросил я.

Он засмеялся:

— Знаем, знаем, кому полагается сафьян, артикул три... Не маленькие. — Тут-то он и объяснил мне про вывески и про ступеньки.

— Да вы же даже не прочли название моей организации, — сказал я.

— Это вывеска, — сказал он презрительно. — Название, должность... Звучать они могут всеобщно, а компетенции у них не больше, чем у районной прачечной. Сафьян же дело надежное, он не обманет.

Его слова заинтересовали меня больше, чем повод, по которому я пришел к нему.

«Расскажите, — попросил я, — как вы считаете ступеньки?» «Жизнь знаю», — объяснил он. «А меня научить можете?» Он возразил любезно:

Улыбка.68

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС

лампочками. За ним на поводу лениво плелся Мотя.

— Але-оп! — командовал Гриша, дирижерским жестом скидывая руки, и Мотя вставал на задние лапы. Мотя понимал Гришу с полуслова, и, может, поэтому на репетициях у него все получалось намного лучше, чем на представлениях. Дрессировщику это не нравилось. Он придирался к Грише. А Гриша от обиды выпивал.

Однажды, хватанув лишнего без закуски, Гриша забыл выключить пылесос, и тот всю ночь гудел, вызывая беспокойство в конюшне. К утру пылесос замолк: что-то перегорело в моторе. Гриша пришел утром в цирк, как всегда, взялся приводить в порядок Мотю, повертел рычажки туда-сюда — никакого впечатления. А Мотю между тем уже встал на задние лапы в ожидании любимой процедуры и с нетерпением поглядывал на приятеля: дескать, довольно возиться, пора умыться.

— Ничего не поделаешь, — сказал Гриша. — Машина испортилась. Будем чиститься, как прежде, щетками.

Мотя недовольно зарычал.

Конечно, медведь не человек, его убедить не так просто. Если в квартире выключают на две недели горячую воду, человек вздыхает и отправляется в баню. Медведь Мотя не желал возвращаться к прошлому. И когда Гриша притащил из гардеробной щетки, Мотю лягнул приятеля далеко не по-приятельски.

Тогда Гриша завернул пылесос в холстину и понес его в мастерскую.

— Ремонт производим в течение двух недель, — сказала приемщица.

— Никак невозможно, — возразил Гриша. — Мотя лягается, он не может жить без душа.

— Гражданин, — сказала приемщица, — если вы выпили, так проспитесь. В нетрезвом виде мы не

«Разве вас надо учить? В ваши сферы берут, наверное, одних ученых. Ничего нового я вам не сообщу». «Но поделились бы все-таки опытом», — попросил я. Он польщенно развел руками: «Если вы так настаиваете...»

— Самый надежный признак — это сорт бумаги, на котором напечатан документ? — спросил я.

— Ой, не всегда, — сказал он осторожно. — Рискуете ошибиться...

Федюкин нажал кнопку и попросил свежую почту.

Он раскрыл папку и небрежно, без интереса отбросил в сторону письма и отношения, напечатанные на роскошной мелованной бумаге, на бланках с шикарными клишированными синекрасными и красно-зелеными шапками.

— Ширма, — сказал он снисходительно. — Можно отписаться.

— Но бланки-то какие! — усомнился я. — Почисте сафьяна.

— Нет, нет, ширма, — поморщился он. — Общий поток. Разукрашены от бессилия. За ними чаще всего никто не стоит.

— Кто не стоит?

— Никто, — сказал Федюкин, — поверьте мне, никто не стоит. Ишь, какие шумные бумаги! Кто на самом деле имеет право, тот напрасно не шумит, тот чаще всего тихий. Сами, небось, знаете.

Две бумажки — паршивенькие, шершавые, исходящий номер и закорючка подписи расплылись, как на промокашке — Федюкин прочел очень внимательно.

— Так, — сказал он. — Эта из отдела писем... Препровождают заявление гражданина Замочкина... Просят разобраться. А другая? Из того же отдела... Тоже препровождают... Но уже заявление гражданина Примочкина... И тоже просят разобраться... Так, так... Замочкина в общую кучу, а Примочкина беру на контроль. Это важно.

— Почему? — спросил я. — Одинаковые же бумаги.

— Да что вы! — огорчился Федюкин. — Какие же они одинаковые? О Замочкине пишут: «Разберитесь и результаты сообщите заявителю». А о Примочкине: «Разберитесь и результаты сообщите заявителю и нам». Понимаете? Примочкинские результаты им надо сообщать, замочкинские не надо. Примочкинские результаты, стало быть, нужны им, а замочкинские абсолютно не нужны... А что отсюда напрашивается? За Замочкиным, напрашивается, никто не стоит, а за Примочкиным наверняка кто-то стоит, ступеньки от Примочкина ведут куда-то вверх, и очень может быть, высоко...

Федюкин вызвал секретаршу, отдал ей почту и спросил, есть ли посетители.

обслуживаем. — И она захлопнула окошко перед носом у Гриши.

На окраине города оказалась мастерская срочного ремонта.

Мастер, повертел пылесос, установил диагноз: — Намотка сгорела.

И пообещал сделать через неделю.

Неделя эта была для Гриши сплошной пыткой. Мотю капризничал, своевольничал. Дрессировщик он совсем не слушался. Когда тот приказывал кружиться в вальсе, Мотю ложился на спину и перекачивался с боку на бок; когда предлагал пройтись по бревну на передних лапах, начинал чесаться о бревно спиной. Когда же вконец осерчавший дрессировщик стучал Мотю палкой,

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Рисунок Георгия Анастасова (Болгария)

«Двое», — сказала секретарша. «Зовите», — велел Федюкин.

Первый посетитель, на мой взгляд, имел все шансы на успех.

«Товарищ Федюкин, — сказал он. — Мне порекомендовал к вам обратиться Гавриил Поликарпович». «Как же, как же, — заулыбался Федюкин. — Гавриил Поликарпович — большой человек... Он у нас пользуется всяческим уважением». «Значит, я смею надеяться?» «Что за вопрос? — сказал Федюкин. — Оставьте свой городской телефон, и мы вам мигом просигнализируем». «23-444», — сказал посетитель. «Очень удобно, — похвалил Федюкин. — Двойка, тройка и три четверки. И записывать не надо, я и так запомню». «Значит, я жду, — сказал посетитель. — А то зарез с товаром, как никогда...» «А как же, — подтвердил Федюкин. — Мигом просигнализируем».

— Ступеньки? — спросил я, когда посетитель вышел. — Удовлетворите его просьбу?

— В погреб со сметаной эти ступеньки, — сердито сказал Федюкин. — Он у нас получит товар после дождичка в четверг. Стал бы Гавриил Поликарпович кого-нибудь без звонка присылать, если бы на самом деле был заинтересован. Он бы тогда прежде вызвал меня по прямому, договорился. А так — отфутобил голубчика, чтобы отвязаться... И телефон, который с двойки начинается, стоит на девятом квартале, за речкой Монастыркой. Там, где не прописано ни одно порядочное учреждение...

из побуревшей шкуры поднималось облако пыли. Мотя чихал, чихали зрители в первом ряду, галерка свистела...

Пришел долгожданный понедельник, и Гриша чуть свет помчался в мастерскую срочного ремонта. Обратный его путь был вдвое длиннее. Крутыми зигзагами вел он от одного пивного киоска к другому. Но как ни петлял Гриша, он не мог уйти от преследовавшей его фразы:

— Пылесосик-то ваш не готов. Зайдите через неделю.

Поздно ночью Гриша прокрался на конюшню пьяный и грязный. С трудом отпер клетку, полз к медведю и уткнулся лицом в его шкуру.

— Ешь меня, грызи, рви на части, — бормотал он, всхлипывая. — Это я, пьяная скотина, сжег твой любимый душ.

Мотя деликатно отвернулся, поскольку не переносил запаха спиртного, и, добродушно урча, поглядывал на Гришу одним глазом.

Проснулся Гриша на рассвете, как всегда со свежей головой, натянул на Мотю прочный намордник и вывел его из цирка.

Заведующий мастерской срочного ремонта был страшно удивлен, когда к прилавку, переваливаясь, подошел огромный медведь.

— Вы не пугайтесь, — пояснил Гриша. — Этот товарищ — владелец пылесоса. И он сказал, что не уйдет отсюда, пока пылесос не будет отремонтирован. Верно, Мотя?

Мотю утвердительно кивнул головой.

Работы оказалось сущий пустяк. Не прошло и часа, как Грише возвратили пылесос, жужжавший еще веселее, чем до ремонта.

— Все-таки хорошо, что ты зверь, — сказал Гриша, хлопнув Мотю по спине, — а то сидеть бы тебе еще недели две без душа.

Мотю понимающе ткнул Гришу лапой в бок.

Второй посетитель был краток: «Я прошу вас выделить...» «Вам срочно?» — спросил Федюкин. «Да не очень, — сказал посетитель. — Некоторый запас еще имеется». «Как вам звонить?» «86-371». «На той неделе получите, — сказал Федюкин. — А может, еще и на этой успеем. Будем стараться».

— 86 — это важный телефон? — спросил я, когда мы остались вдвоем.

— Коммутатор улицы Льва Толстого, — понизил голос, сказал Федюкин. — Правда, и на Льва Толстого есть детские сады и прачечные. Но слышали же, у людей имеется еще кое-какой запас. А догадываетесь, кому фондировали товары с запасом?

К Василию Константиновичу на третий этаж Федюкин сегодня уже не пошел. Мы просидели с ним до самого конца рабочего дня.

Вместе вышли на улицу.

Вдруг он вспомнил, что ему нужно было бы починить авторучку: совсем новая, а течет.

Завернули в угловую мастерскую.

«Перьевая? — не посмотрев, спросил мастер. — Не чиним, нет к ним деталей». «Жаль, жаль, — помрачнел Федюкин. — Хожу весь заложенный, как первоклассник». — Он повертел в руке злополучное перо.

— Позвольте-ка, — сказал мастер. — Что у вас? «Спутник-4»? Ах, какая прелесть, лучше «Паркера» будет. Одну минуту, многоуважаемый, сейчас сменим резиночку... Найдём, найдём. Для вас, многоуважаемый, из-под земли достанем...

Он быстро починил перо.

Мы вышли из мастерской.

У Федюкина неожиданно испортилось настроение. Он шел рядом, хмурый и подавленный, как будто с ним только что приключилась крупная неприятность.

— Что с вами? — спросил я.

— Догадались, отчего мастер починил мне перо? — сказал Федюкин. — Не догадались? То-то. Такие ручки у нас до недавнего времени только на городских активах продавались, через специализированные киоски. Мастер тоже, видно, знает жизнь, научен считать ступеньки. Но я-то лично на активах не бываю, должность туда не вышел. Я две недели назад купил «Спутник-4» в соседнем магазине канцтоваров, их всем, кто хотел, продавали.

— Ну и что? — спросил я.

— Как что? — с болью сказал Федюкин. — Во-первых, я человек честный, самозванством не страдаю, и чужих привилегий мне не надо. — Он передохнул. — А во-вторых, если и дальше так пойдет: всем, без разбору начнем на каждом шагу продавать специальные товары, то как же тогда ступеньки вверх распознавать? Попробуй отличить тогда человека...

Сибирь — глубоко американский край.

Загрузив чемодан штанами на пуху морских птиц, летит в Сибирь отдыхать деловой человек. Наслышанный об «этом русском медведе», он привозит с собой гиббсовскую винтовку, годную скорее всего для подбития легких танков. Сопровожденный егерями к берлоге, вскинув пять раз чудовищную винтовку и окончательно обессилев от этого, счастливый гость валится в снег и ест его прямо так, без участия рук. Представитель ВАО «Интурист», ранее прятавшийся в валежнике, спешит на помощь гостю.

...Наша «Волга» стояла у дверей «Интуриста». Мы старательно делали вид, что наша «Волга» не наша «Волга»: три американочки в голубых панталетах изучали автомобиль. Американочки, ясно, знали толк в автотранспорте и читали на родине нашумевшую книгу сезона — «Опасен на любой скорости». Ничего, откровенная книга, в ней с большой тревогой описана халтурность американских авто. И инженер Казаков, знающий малость язык, сказал технику Кобахидзе:

— Про нашу говорят, мол, опасна не только на скорости — и в состоянии покоя опасна.

Правда, автомобиль был ужасен. Казалось, все пьяные самосвалы и иркутских дорог выбирали объектом для столкновения исключительно эту «Волгу». Казалось, только самолеты, поезда и линкоры не врезались в нее.

Но мрачного шофера Антона не смущал вид машины. Мрачный шофер Антон сказал американочкам, чтобы мотали отсюда, за валюту что получше можно увидеть. Нам мрачный шофер Антон предложил не валять дурака и немедленно грузиться. И мы вынесли из гостиницы три ящика, у каждого на боку международный знак атомной службы — клеверный красный трилистник в желтом кружке.

За рулем водружился Антон, рядом, сразу перекосив конструкцию автомобиля, сел начальник отряда Липин. На заднем сиденье устроились, существенно не повлияв на осадку, инженер-атомник Казаков, слесарь-атомник Данилов, атомник-дозиметрист Кобахидзе и корреспондент.

Шофер Антон враскачку тронул с места машину. Американочки ахнули бы, узнав, где расположен конечный пункт большого пробега: за Байкалом, через Иркутскую область, через Бурятию, до границы с Монголией, село Монды, река Иркут, гора Хулугайша.

Дорога шла на Байкал. Грузовики обтекали нас на сверхскоростях. Шоссе сквозь щетку тайги лезло на перевал, к Байкалу, и от перевала меняло свой цвет, становилось у обочин из серого сахарно-белым, и внизу двустолковой туннеля гора выстреливала сахарно-белые магистрали железной дороги Центр — Дальний Восток. Здесь дороги и насыпи были из мрамора, потому что специальность прибрежного поселка Култук — мрамор.

К ночи мы добрались до Монд и лишь раз стояли в пути: лопнула крестовина заднего моста. Добрые бурятские мальчики из близкой деревни принесли из своих заветных запасов все марки провололок, выпускаемых в Советском Союзе, и, выбрав нужную, мы продолжили путь.

...Монды — село на берегу Иркуты. В синем небе кардиограммой сердца Земли — ломаный контур саянских гор и отличный от прочих пиков высотой, одинокостью пик Мунку Сардыка.

В Мондах таможенный пункт «Скотимпорта», а чуть выше — Часовые сопки, база гелиофизиков. Гелиофизики — самые бледные люди на свете. Едва выглянет солнце, они бегут по своим казематам смотреть на светило в гелиографы и коронографы.

ПРОШЕЛ ВИСОКОСНЫЙ

Сердца бурят и русских, населяющих Монды, отданы науке, хотя могли бы принадлежать искусству. Ибо Монды самой природой отведены для съемок натуральных фильмов, и один уже снимался.

Но в Мондах не любят прелестницу на час, вертушку Музу. С нею убить вечерок — куда уж ни шло. Вот добрая, степенная гражданка Наука — эта навсегда.

Итак, прибывшие в Монды по научной части инженер Казаков, дозиметрист Кобахидзе и слесарь Данилов должны были пустить здесь атомную теплоэлектростанцию «Ангара», плод годичной работы ВНИИРТа (Всесоюзный научно-исследовательский институт радиационной техники, Москва).

Троим левшам из ВНИИРТа — в прямом смысле левши, в переносном смысле левши — назначались в помощь местные силы: гелиофизик Липин и космик, кандидат физико-математических наук Лузов, оба из СИБИЗМИРа (Сибирский институт земного магнетизма, ионосферы, распространения радиоволн).

«Ангару» предстояло монтировать не где-то, а именно на вершине горы Хулугайша. Вторая гора после Мунку Сардыка.

Словом, организационная часть работ была позади. Наладился штурмовой порядок. С одной стороны, теперь были институты Сибири и Центра, «Ангара», с другой стороны — единица малая, небухгалтерская, космический пришелец нейтрон.

Великолепен тип ученого — сибирский ученый. Сибирь далеко от Москвы, но сибирский ученый космик Лузов, ученый с лицом человека, разгружающего вручную вагоны, не выбирал для защиты своей диссертации город поглуше.

— Он в Москве защищался, у Вернова! — подняв палец, сообщают о нем. Может быть, кандидат наук из земель поужнее утаил бы конфуз, не сказал. А Лузов в рабочем порядке сказал директору СИБИЗМИРа Степанову (на прошлой неделе в Москве избран членом-корреспондентом Академии наук СССР): «Видели, у меня самописец регистрирует всплески излучений из космоса? Ни черта это не всплески, надо было мне раньше додуматься. Это брат Липина Валерка заводит венгерский мотоцикл, вот что пишет прибор у меня».

Особ и характер травм, получаемых сибирским ученым. Седальными недугами он не страдает, у него одежда не лоснится с тыла и на локтях от застольного тщания. Одежда Лузова терпит другой урон — как есть разрезается льдом на груди: в первый после ледохода денек, по шуге пришлось пере-

САШУН И ДРУГИЕ

Все мы нежно, самозабвенно любим кино. Просто трудно представить, как бы текла наша жизнь без этого великого волшебника, то радующего, то огорчающего нас. Уходящий киногод, как и следовало ожидать, оказался весьма щедрым.

Дорогой любитель кино! Если хочешь проверить свою память, а также сообразительность, приглашаем тебя принять участие в викторине «Экран-68».

Посмотри на эти афиши и объявления, украсившие в уходящем году рекламные щиты и газетные страницы, и попробуй вспомнить или догадаться, как на самом деле назывались рекламируемые фильмы.

пос. Мало-Курильск, Сахалинской области.
 («Дети Всеволода Шмидта» итд.)

г. Минск, Дом культуры фабрики имени Крупской.
 («Верные мне, люди»)

г. Ленинград, клуб завода «Лентрублит».
 («Щит и меч» итд.)

пос. Королево, Закарпатской области.
 («Два тополя» итд.)

Малого театра...

«Мосфильма»...

Театра оперетты...

Театра на Таганке.

плывать Ангару. И Степанов — вот сидит на Часовых сопках, царапает левой рукой доклад для конгресса гелиофизиков, левой бросает в рот семечки: правую вывихнул, упал на лесной дороге, кистью как раз в замерзший след лошади. И сибирский ученый Липин...

Но сейчас-то Липин здоров. Липин дрался всю жизнь. С голодом. С фашизмом. С беспризорностью и безотцовщиной (не одного и не двух мальчишек-детдомовцев вырастил он в семье, растит и сейчас). И когда все извел, и голод, и фашизм, и сколько мог — безотцовщину, растерялся немного: с кем драться? И выбрал слепые силы природы.

В танковом шлеме, с ведром овса стоял посреди кривых горных лиственниц Липин.

— Атомоход не пойдет. Вездеход не пойдет. Теплоход не пойдет. Жереба Николаич здоровый, а кой прок в одной лошади?

Так говорил Липин на горной промежуточной базе. Сюда кое-как заполз вездеход, но отсюда до вершины еще пять километров того, что, обожествляя возможности лошадей, позволительно назвать конной тропой.

Утром всех разбудили глухие удары: ветер сваливал снег на крышу кибитки. Утром небо очистилось. Утром все лошади оказались здоровыми. А здоровый еще и вчера Жереба Николаич, самая главная лошадь, ночью сбежал, предвидя возможность работы.

— Седлать и грузить, — опозоренный своим персональным конем, молвил Липин.

Грузить подошли все. На выючные горные седла торчком воздвигали полутораметровые плиты — пенопласт, обшитый фанерой. Кони храпели, падали, билась, но на узде висел человек, еще один для смиренности заматывал мешком лошадиную морду, а четверо строили на выючном седле дом из щитов.

На вершины высоких гор закат приходит двумя часами поздней, чем в долины. Но даже с вершины ушел закат, когда мы поднялись, каждый втаскивая на поводу свою лошадь, задыхаясь, обмирая на пропасть, растеряв где-то в пути телогрейку, рукавицы и шапки.

Здесь, на вершине, когда-то стояла кибитка. Ветер сорвал ее и унес. Сюда привезли палатку. Липин и рабочий Саша Майоров развернули ее — ветер прямо в руках разорвал палатку на клочья. Тогда Липин завез сюда дом. По щепочке, по листику жести, за десятки восхождений штрих-пунктирной тропой. Он на лошади Атомоходе поднял трехсоткилограммовый арбуз — «Ангару», поднял пять тонн свинцовых кирпичей для уловления нейтронов и семьдесят тонн по графе «разное». То есть все для того, чтобы нейтронные счетчики стояли как можно дальше от венгерского мотоцикла и радиобита людей. Десять лет непрерывно давать этим счетчикам тепло и энергию, питать автоматическую радиостанцию для передачи данных в Иркутск должна была первая в мире высокогорная атомная — «Ангара».

В стену избы толкалась ночная метель. Бурят Саша Майоров (он же бригадир в партии Липина, он же водитель вездехода, он же коваль лошадей, он же проводник, он же приборист-наблюдатель, он же за все и про все) сел на ящик, спокойно подвигался — а будет ли ток? — пронаблюдая зажжение лампочки и спокойно, уже спящий, с ящика рухнул за печку, не забыв выставить руку к огню, на манер бурятских промысловиков у костра: огонь начнет подбираться — рука даст знать.

Безумная радость заоблачных тощих мышей — наши неразвязанные котомки с едой валялись в углу. А над нами горела, нисколько не смущая мышей, тридцативаттная лампочка.

Три дня отлеживались все наверху, благо облачность закрыла все, что под нами. На четвертый день Липин и Саша Майоров начали спуск с лошадьми. Москвичи и сибирский ученый Лузов тоскливо топтались на гребне. Это точно: когда что-то сильно болит — будто весь состоишь из этого места. На Хулугайше мы состояли из ног.

И пятеро совершили безумную акцию, даже английские альпинисты осудили бы их: защитив телогрейкою пояснично-крестцовый отдел, москвичи и сибирский ученый без помощи отнявшихся ног ринулись с четырехкилометровой отметки вниз. Их осудили бы российские альпинисты (валун под снегом, скала, лавина — и какой там оркестр получишь?). Но, возможно, их оправдали бы горные таджики с Памира, съезжающие с гор на снопах созревшей пшеницы, потому что другим путем хлеб на ток не доставить.

Просто чудо, как в високосном году необдуманные поступки сходят с рук людям: все пятеро достигли долины. Пятеро повалились в гостевом доме на койки, впереди был отъезд, дорога с отрезками «господи, пронеси», и снова шофер в разреженном воздухе будет так тянуть кнопку подсоса, что, гляди, вдруг не вытащи карбюратор в кабину. Будет Москва, привычность, и жены будут ругать за приобретенную под хулугайшинским ветром манеру держать сигарету огнем в кулак. И люди будут делать попытки битья за несвежий, третьего дня анекдот, а на Хулугайше смело рассказывая всякий, и всякий там ценен.

— Жизнь! — грустно подбил итог инженер Казаков, надолго ушел и вернулся, волоча пишущий агрегат со шрифтом, съеденным, как стариковские зубы, и дважды бия по каждой клавише, сел отпечатывать акт о введении в строй последнего слова атомной техники.

Дверь вдруг сотряслась, открылась, и в гостевую избу ступил заснеженный человек с кнутом.

— Баран пригнал, — радостно сказал он. — Чего сидите? Праздник будет, морда делай веселый!

Ах, сколько слетов и конференций, обсудивших всего лишь вопрос об увеличении пузырчатости минеральной воды или плетении циновок из тины, заключается гранд-отельским банкетом за счет учреждения! Как сильно кричат: — Паз-вольте этот бокал...

А пастух в дверях сказал так:

— Солнечный ребята, который здесь, атомный ребята делал подарка. Маленький барашка купил весной, мне давал: ты расти, Бодма. Вот привел барашек. Горный, целебный, травка жизни щипал!

Потом он сидел за столом, а кругом вперемежку атомные, солнечные ребята. На столе были позы — большие пельмени бурят, оремок, куда по рецепту входит все лучшее из барана, жареная кровь, свежий хлеб и водочная продукция РСФСР, МНР, ПНР. Было честное веселье людей, сделавших большую работу, и сибирский здоровяк Лузов сказал инженеру Казакову:

— Двинь-ка дальше эту хреновину, с Липиным буду бороться!

Тогда инженер Казаков положил машинку в спальный мешок и туда же стопку чистой для отчета бумаги. И, глядя на толщину этой стопки, можно было сказать, что год прошел, и неплохо для високосного.

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

Село Монды. Бурятской АССР.

13 ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО КОМАНДИРОВЩИКА

Станция Завидово, Калининской области.
(«енитваодийдегмог огазтопдуринни енинодх»)

ПАВКА СТРОИТСЯ.

Масаллинский район, Азербайджанской ССР.
(«вмиодротл оновд»)»

ПОПРАТЕЛ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
1/2-68
Сашун Юно
и Колюш
20 коп
3 коп

Совхоз Ташлинский, Оренбургской области.
(«Юна со шхун ичнлнЮ»)

ТРЕТИЙ ОРЕШЕК

газета «Труд», г. Клинцы.
(«нэтредо иинред»)»

ВОВКА УСТРОИЛСЯ

газета «Бийский рабочий»
(«вмиодротл оновд»)»

В ОГНЕ НЕТ БОРОДЫ

«Вечерний Ташкент»
(«в огне борода нэт»)»

ЯШКА НА САЛЬВАТОРЕ

газета «Маяк», г. Ангарск.
(«нэтредо иинред»)»

ОБНАЖЕННАЯ МАМА

газета «Кочегарка», г. Горловка.
(«ехем ииннжендо»)»

ОТРЯД ТРУБОЧИСТОВ СРАЖАЕТСЯ

«Таганрогская правда»
(«нэтредо иинред»)»

ПРО СТО АНЕКДОТ

Антон приходит домой. Жена нежно целует его и говорит:

— Милый, я не хотела сообщать тебе раньше времени, но теперь я уже могу сказать наверняка: скоро нас будет трое...

— О, это чудесно! — радостно восклицает взволнованный Антон. — Но ты в этом уверена?

— Абсолютно, милый. Вот телеграмма: завтра приезжает моя мама.

На углу стоит нищий с помятой шляпой в руках. Мимо проходит элегантно одетый мистер Браун. Увидев нищего, он останавливается.

— Хэлло, Джим, — говорит он, — все твои бывшие коллеги по конторе в восторге от того, как мужественно ты высказал свое мнение шефу!

Пожилая англичанка обращается за советом к психиатру.

— С некоторых пор, — говорит она, — мне каждую ночь снится адмирал Нельсон. А вчера он сделал мне официальное предложение, и я согласилась стать его женой.

— Случай в высшей степени интересный, миссис Джейсон. Чем же я могу вам служить?

— Посоветуйте, как мне быть: оставить ли мне мою девичью фамилию, или называться миссис Нельсон?

Молодые приходят в загс расписываться. Регистратор спрашивает:

— А вы хорошо подготовились к столь важному жизненному шагу?

— Конечно, — отвечает жених. — Купили 10 литров водки, 30 бутылок вина и 5 литров спирта...

— Снова наш чудесный сыночек вытащил деньги из моего бумажника, — сердито заметил отец.

— Почему ты думаешь, что это он? — вступилась жена. — Может быть, это я взяла?

— Это исключено: там еще кое-что осталось.

Пьер стремительно бежит домой, бросает жену на шею, целует ее и получает жаркий ответный поцелуй.

— Ну, а теперь, — спрашивает Пьер, — скажи, Жанна, как ты находишь меня без усов?

— Ах, это ты? — отвечает она разочарованно.

Молодой человек у доктора.

— Что вас беспокоит? — Плохо сплю. Никак не могу уснуть.

— Попробуйте считать до десяти, и снова до десяти, и снова.

Через день молодой человек приходит опять.

— Не помогает, доктор. При счете восемь вскакиваю.

— Но почему же? — Я боксер.

СЛУЧИТСЯ НЕ ТАКОЕ

В ЧЕМ СЧАСТЬЕ?

Житель Тулы Владимир Тимофеев давно жаждал счастья в жизни, но не знал, где оно лежит. Надоумил его дружок Никишин. Темной ночью друзья-соучастники сели в чужую «Волгу» и махнули на юг. Здесь они заключили выгодную сделку и выручили за краденую машину 4 500 рублей.

Нет смысла перечислять все похождения героев этой были. Вернулись они в Тулу с пухлыми клетчатыми чемоданами. Тимофеев вдобавок прихватил еще и электрогитару. А у милиции, как известно, слух тонкий — услышала она перезвон гитарных струн...

Сидя за решеткой, дружки-путешественники чувствовали себя в привычной обстановке. Но когда старший следователь, майор милиции И. Иванов положил перед Никишиным — нет, не обвинительное заключение, а тиражную таблицу, обвиняемый схватился за сердце.

Его собственный лотерейный билет выиграл автомобиль «Москвич-408» стоимостью 4 511 рублей.

Вот и пойми теперь: где счастье?

В. ВОЛОДИН

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Маруся, где ты?

В те тревожные часы, когда в Мехико яростно сражались спринтеры и наш прославленный бегун Сапая расставался с радужными надеждами на приз, по железнодорожной ветке, что пролегла между рудником и обогатительной фабрикой комбината «Апатит», шел обычный поезд с рудой. Шел бы себе да и шел, но вдруг у развязки Вудьявр вспыхнул красный свет.

Остановил машинист поезд в ста метрах от развязки, помахал стрелочнице:

— Маруся, в чем дело?

Маруся выглянула из-за будки и спряталась.

— Эй, Маруся! — крикнул машинист еще громче. — В чем дело, говорю!

Но Маруся снова выглянула, уже с другой стороны, и снова спряталась.

Пожимая плечами, машинист выбрался из кабины и пошел к будке. Подходя, услышал как бы приглушенный голоса, пронзительный детский плач. Удивился еще больше.

— Маруся, где ты?

Дошел до будки, завернул за угол и... нос к носу столкнулся с огромной медведицей.

Секунду они стояли, глядя друг другу в глаза. А затем в далеком от Мехико Вудьявре был поставлен феноменальный мировой рекорд по бегу на сто метров, и равен он был, как утверждает начальник производственного отдела комбината «Апатит» Иван Константинович Гусев, ровно четырём секундам.

— Жаль, что поблизости не оказалось судей международных категорий с секундомерами, — вздыхает Иван Констан-

Рисунок В. ЖАРИНОВА

тинович, — утерли бы мы нос олимпийским финалистам!

А дальше было так. Преодолев за четыре секунды сто метров, машинист установил второй мировой рекорд, но уже по прыжкам в высоту, и, взлетев в кабину локомотива, включил все, что могло свистеть, гудеть и тарыхтеть.

Лишь тогда медведица, забрав двух медвежат, нехотя покинула железнодорожный пост и удалилась в лес.

Вскоре нашлась и Маруся, которая несколькими минутами раньше установила мировые рекорды для женщин по бегу на все короткие и длинные дистанции.

В. ЛОГВИНОВ
г. Кировск,
Мурманской области.

— Все время яблоки сняты. К чему бы это?

Рисунок М. БИТНОГО

ПЧЕЛЫ-СЫЩИКИ

Пчелы — известные мастера поиска. Самым непостижимым образом отыскивают они медоносы, затерянные в глубине лесов. Вот эту-то их способность и поставил на службу борьбы с преступностью милиционер Толмачев (станция Мерке, Казахской железной дороги).

В милицию стали поступать жалобы от пчеловодов:

— Переманивает кто-то пчел. Улетают.

В этом сообщении было что-то новое. О переманивании голубей работниками милиции слышали, о переманивании футболистов — тоже. А вот пчелы...

И вот стоит Толмачев на посту, к небу приглядывается. Сигнал оказался правильным: летят пчелы. Тучами. Остановил Толмачев первую попавшуюся машину, вскочил на подножку и приказал шоферу мчаться за крылатыми. Мчались недолго. Остановились у

двора стрелочника Кургутова. Народу здесь было видимо-невидимо, и в основном детвора. Над толпой вились тучи ошалевших пчел.

— Эх, сладкая! С сиропом! — кричали дети. — Сладкий источник открылся!

И показывали на колодец. Участковый Толмачев протер глаза, ибо такое он видел впервые: около колодца кучами лежал сахар, как соль на Баскунчале.

— Так, так, — сказал Толмачев, отпив сладкой воды, и позвонил в Пишпекское линейное отделение милиции. К источнику прибыла компетентная комиссия в составе заместителя начальника отделения Бидильдаева и старшего следователя Нефедова.

Осмотрев колодец, работники милиции зашли в пчеловодскую будку и там, за большим мешком сахара, нашли стрелочника Кургутова.

— Только два взял, только

два! — затрясся Кургутов. — Один тут, а второй со страху в колодец высыпал. Остальные помощник машиниста Технобин и стрелочник Жаров унесли.

Оказалось, что сладкая жизнь на станции Мерке длилась не одни сутки. И крали сахар не трое, а целый рой жуликов. Умело вытягивая из вагонов мешки с сахаром, они сбывали его через подставных лиц в Меркенскую заготовконтору. А получатели списывали недогруз на Меркенский сахарный завод. Руководители завода относили недостачи на усущу и таяние. В милицию сообщить стеснялись.

Когда жуликов посадили в ульи с решетками, местные пчелы успокоились и снова стали вить над полевыми цветами.

Они свое дело сделали.

В. ВИНОГРАДОВ

ИТОГИ КОНКУРСА «УЛЫБКА-68»

В первом номере этого года редакция «Крокодил» провозгласила открытый международный конкурс под девизом «Улыбка-68».

Объявление не осталось гласом вопиющего в пустыне. В конкурсе приняли участие 3 077 авторов — советских и зарубежных. Вооружившись перьями, чернилами, кистями и красками, любители юмора и сатиры на всех континентах сочиняли для нас рассказы и рисовали карикатуры. Если бы мы решились отметить булавками на глобусе все точки земного шара, откуда писатели и художники прислали нам свои произведения, глобус стал бы похож на симпатичного ежика.

Не станем скрывать, отбор был суровым, но справедливым. На страницы журнала в напряженной и честной конкурентной борьбе пробилось 36 рассказов и 40 рисунков. Почти половина их поступила из-за рубежа.

Как и было обещано, «Крокодил» присудил 6 премий — 3 за лучшие рассказы и столько же за лучшие рисунки. Вместе с денежной премией победителям конкурса будут вручены памятные медали и дипломы.

Итак, после жарких дебатов жюри конкурса — редакционная коллегия «Крокодила» — решило отметить премиями:

Виктора ДРАГУНСКОГО, СССР — за рассказ «Далекая Шура» (№ 17),

Леонида ЛЕНЧА, СССР — за рассказ «Старухи» (№ 23),

Азиза НЕСИНА, Турция — за рассказ «Он должен остаться» (№ 15),

Пала ПУСТАИ, Венгрия — за рисунки «Автомания», «Прошлое и будущее уборки улиц», «— Ты ведешь себя, как дипломат на официальном ужине» (№ 17),

Игоря СЫЧЕВА, СССР — за серию юмористических рисунков на темы спорта (№ 30),

Ганса Юргена ШТАРКЕ, ГДР — за рисунок «— И действительно, книги расширяют горизонт!» (№ 34).

КРОКОДИЛ

МОИ ПРЕМИИ

Вдумчиво проанализировав итоги уходящего года, редколлегия «Крокодила» присудила премии авторам лучших произведений, опубликованных на страницах журнала.

Лауреатами стали:

Алексей ГОЛУБ — фельетон «По просьбе замминистра...» (№ 6),

Владимир МАСС — фельетон «Торжество жантильности» (№ 7),

Владимир ПОЛЯКОВ — рассказы «Домашний театр» (№ 3), «Юные поэты» (№ 22),

Всеволод НЫРКО — «Страница поэта» (№ 13),

Юрий ФЕДОРОВ — карикатура «— Так что, осмелюсь доложить, кое-кто пытался вытащить со свалки еще один портрет, засиженный мухами» (№ 27),

Виталий ГОРЯЕВ — рисунок «— Ура, Маня! У меня теперь два выходных!» (№ 2),

Марк ВАЙСБОРД — темы к рисункам «С этого все началось...» (№ 7), «Спектакль «Антисыры» (№ 17), «Откидное место» (№ 18),

Наум СТАНИЛОВСКИЙ — темы к рисунку «Великие за партами» (№ 19).

Поздравляю лауреатов!

КРОКОДИЛ

КРОКОДИЛ

№ 36 (1902)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

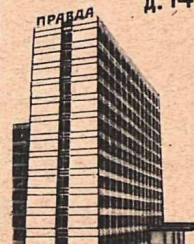

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали:
М. Битный, М. Вайсборд,
А. Грунин, В. Жаринов,
Г. и В. Каравачевы, С. Кузьмин,
Е. Мигунов, В. Тильман.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

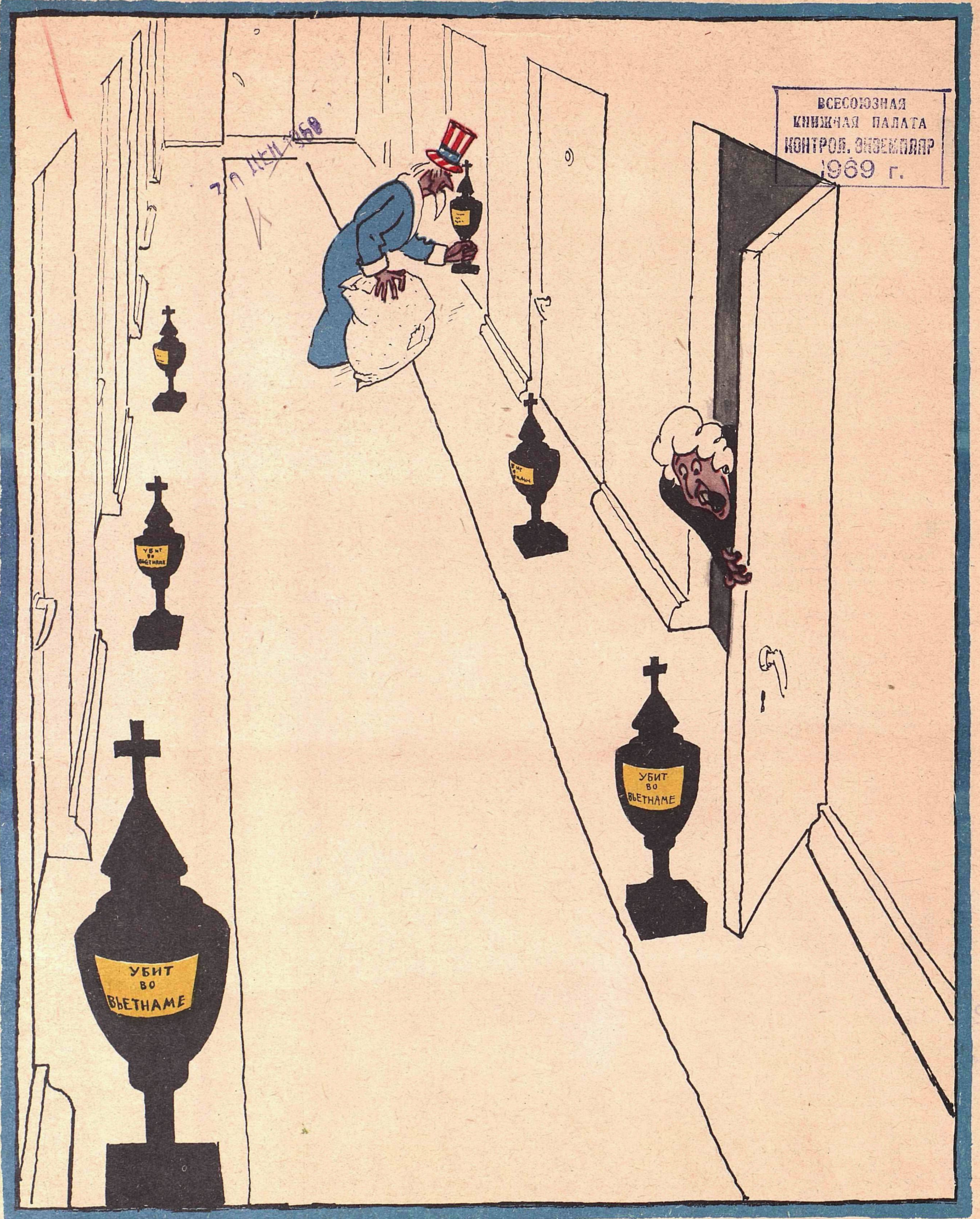
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)

И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00230.
Подписано к печати
18/II 1968 г.
Формат бумаги 70×108¹/₄
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 800 000 экз.
(1 завод: 1 — 4 029 550).
Изд. № 2020.
Заказ № 3561.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Н О В О Г О Д Н И Е   П О Д А Р К И   С А Н Т А - К Л А У С А